

О БЕЛОРУССКИХ КОРНЯХ БЫЛИН КИЕВСКОЙ РУСИ.

Имеются все основания утверждать, что родиной Ильи Муромца является не село Карочарово у российского города Муром, а белорусская деревня Карчева у городского посёлка Мир. Исследователи давно указывают на несостоятельность карачаровской версии и на «околобелорусские» следы, но почему-то, отказавшись от российской версии, обращают свой взгляд на Моравию [1]. Имя богатыря Ильи впервые было упомянуто в 1574 г. в письме старосты белорусского г. Орши Кмиты Чернобыльского. Жалуясь начальству на тяготы пограничной службы, Кмита писал: «Придет час, будет надобность в Илье Муравленине и Соловье Будимировиче, прибудет час, коли службе нашей будет потреба» [2].

Древность карачаровских преданий подверг сомнению еще в XIX в. известный исследователь былин В.Ф. Миллер. Он обратил внимание, что село Карачарово упоминается в источниках лишь с 17 века, а в былинах чаще говорится «Карачаево», «Карачево» и только в поздних «село Карачарово».

Комментируя письмо Чернобыльского, В.Ф. Миллер, заметил, что Кмита, литовский подданный и враг Москвы, успешно, оборонявший литовскую границу от московских ратных людей, вряд ли в Илье Муравленине видел «мужика из московского города Мурома».

По мнению В.Ф. Миллера Муром в былинах явился позднейшей заменой г. Моровска бывшего Черниговского княжества. О муромском и карачаровском происхождении богатыря нет ни слова в наиболее архаичных записях былин. В пределах древней черниговской земли находился и г. Карачев, поэтому ученый считал, что именно черниговская волость и явилась первоначальным местом формирования былин об Илье. Только случайное созвучие названий г. Карачева и муромского села Карачарова привело, по его мнению, к позднейшей замене в былинах [3]. По мнению некоторых исследователей именно г. Карачев скрывается под «селом Карачевым», «селом Карачаевым» и в былине о братьях Ливиках.

Древнейшие записи пересказов былин об Илье Муромце дошли до нас в списках XVII-XVIII вв. В качестве одного из персонажей Ильи выступает в литературном произведении «Сказание о семи богатырях», самые ранние записи которого относятся к XVII в. В рукописях XVIII в. дошли до нашего времени древнейшие прозаические пересказы былины об Илье Муромце и Соловье разбойнике. Списки ее подразделяются на две редакции: «себежскую» (в ней Илья по пути из Мурома в Киев освобождает г. Себеж) и «черниговскую» (в ней богатырь освобождает г. Чернигов). Все варианты более древней «себежской» группы восходят к одному источнику XVII в. Наиболее близкий к протографу список называет Илью не «Муромцем», а «Муравцем» [4]. Так же не «Муромцем», а «Моровлиным» и «Муравлениным», называется Илья в двух письменных источниках XVI века, содержащих наиболее ранние записи имени богатыря.

Можно признать справедливым утверждение В.Ф. Миллера о том, что былины об Илье были занесены в Великороссию лишь в позднейшее время. В 16 веке в великорусских областях Илью практически не знали. В летописных сводах XV-XVI века мы можем найти имена многих богатырей: Александра Поповича, его слуги Торопа, Добрыни, Яна Усмошвеца, Андриха Добрянкова, Рогдая Удалого, но ни разу не встречаем имя главного киевского богатыря, Ильи из города Мурома. Малоизвестным провинциальным богатырем Ильня Муромец предстает и в самой древней былине, повествующей о первой поездке Ильи из Мурома в Киев и битве с Соловьем разбойником. В описании первой встречи Ильи с киевскими богатырями, в конце этой былины, нередко передается пренебрежительный тон, с которым «коренные» ростовский Алеша и рязанский Добрыня обращаются к вновь прибывшему Илье. «Могучие богатыри» Алеша Попович и Добрыня Никитич нередко называют Ильню мужиком и деревенщиной.

По мнению Н.В. Филина и черниговская, и брянская локализация предания об Илье Муромце – лишь промежуточный этап в движении былин в великорусские области. В самых древних, черниговских и себежских вариантах былины об Илье Муромце и Соловье Разбойнике Ильня – не местный герой, а заезжий богатырь из далекого города Мурома (Морова). Предание об Илье, так хорошо известное в XVI веке в Киеве и Белоруссии, поздно проникло в близкие к Карачеву и Брянску великорусские области.

Сопоставление киевских, белорусских известий XVI в. и данных великорусских источников, наглядно показывает основной вектор распространения преданий об Илье. Из Киева былина попадает в южную часть России, очевидно через Чернигов и Брянск. Из Белоруссии же – в северные области через Себеж и Смоленск. Не Муром и Великороссия, не Чернигов и Карачев, а Киев и западнорусские области могут быть признаны наиболее вероятным местом первоначальной локализации предания об Илье.

М.Г. Халанский обратил внимание, что в одном из вариантов Ильня едет через Тургов (город Туров на Припяти) или из села Березина (то есть через реку Березину) и Кряков (город Краков в Польше). Он предположил, что путь Ильи связан с древним торговым путем Прага – Краков – Киев.

В развитие идей М.Г. Халанского, Н.В. Филин подробно анализирует упоминания русских князей в западных древних источниках. Так имя некоего Ильи-Илиаса из Руси встречается в южно-немецкой поэме ломбардского цикла «Ортнит», записанной в первой половине XIII в. и северогерманской саге о Тидреке (Дитрихе) Бернском, записанной в Норвегии в середине XIII в. Время действия саги относится ее автором к эпохе Великого переселения народов (IV-VI вв.). Однако, для обоснования Моравской версии, автору приходится грубо ломать хронологию этих произведений с тем, чтобы связать упоминаемого там Илиаса с богатырем Ильёй, заявляя: «войны гуннов и русских саги, на самом деле есть мифологизированные и приуроченные к эпохе Великого переселения народов события X века». Итогом этих логических «экспериментов» стало отождествление Ильи одновременно с несколькими историческими героями, в частности с Вещим Олегом. Село «Карочаево» при этом совершенно забыто.

В ходе рассмотрения многочисленных вариантов, авторы обходят стороной многие другие аспекты вопроса. Так вопрос о соответствии маршрута героя тексту былины даже не поднимается. Указанные в былине расстояния от Мурома до Чернигова в три скока коня, и остаток пути до Киева в 500 вёрст по прямоезжей дороге резко расходятся с реальными и по величине и по взаимным соотношениям. В то же время населённые пункты подбираются исключительно по созвучию: г. Муром и село Карачарово, г. Моровск и г. Карачево и, наконец, Моравия. Не анализируется и вопрос о том, почему путь в Киев лежит через некие непроходимые грязи, обойти которые невозможно. Не менее странным кажется и большое значение уделяемое некой «берёзе покляпой», «Леванидову кресту», у которого проходит путь на Киев и «калинову мосту», на котором столь часто сражаются богатыри.

Савершенно непонятно, почему из зоны поиска исключена территория Белоруссии, тем более, что именно здесь зафиксировано исторически первое упоминание богатыря.

Камнем преткновения для всех исследователей становится отрезок Чернигов – Киев, на котором и разворачиваются все события. Оба эти города упомянуты в былине прямо, и это делает все вразумительные варианты театра событий неприемлемыми [рис.2].

Для разрешения указанных противоречий предлагаю версию, заключающуюся в том, что изначально «**город Чернигов**» звучал, как «**Новгород чернигов**». Новгородов в Руси много, и рассказчик обязан уточнить, который из них имеется в виду. В рассматриваемое время город Новогрудок являлся столицей Чёрной Руси, и мог характеризоваться не как Новогородок, а как «Новгород чернигов».

Предлагаемая версия решает все перечисленные вопросы разом. Из Мира Илья едет в Киев, предварительно приняв участие в защите Новогрудка. Новогрудок действительно рядом – от Карчева три коротких перехода. Огибать всё Полесье по пути из Новогрудка в Киев ему далеко, и он намерен форсировать топи в самом узком месте у города Берёзы, передвигаясь с холма на холм, что и отражено в тексте былины. При этом Илья делает нежелательный ему крюк на запад, а затем, уже по холмам Загородья, поворачивает на восток. Именно из-за этих поворотов Берёза и «покляпая». Предварительно богатырю ещё необходимо преодолеть и Кобрынскую пуцу. Этот путь действительно в 500 вёрст.

Муромским Илья стал в силу ритма стиха. В ритм укладывался только вариант Мировский, и село Карч^еево, а не Карчево. Леса кобры^нские, по той же причине, превратились в кобры^нские, а затем утеряли слабую приставку и стали бры^нскими. Крест Леванидов – это три сливающиеся между посёлком Леошки (Лявошки) и г.Берёзой рукава Ясельды [рис.1]. Его особенность в том, что он нерукотворный, и лежит на пути в Киев.

Соловей-разбойник захвативший переправу около г. Берёзы – это польский отряд некого пана Охманьского. Отсюда он и «Одихмантьев сын». Поскольку Охманьский всё же христианин, его после смерти отпевают – славу поют, т.е. «слава Отцу и Сыну...»

После утраты Русью «Новгорода чернигова» рассказчики перестали понимать истинное значение этого названия и восприняли его как «город Чернигов», что и завело в тупик всех исследователей.

Утверждая, что именно г. Карачев скрывается под «селом Карачаевым», «селом Карачевым» в былине о братьях Ливиках, исследователи не уделили должного внимания тому, что оно упомянуто как совершенно заурядное в ряду сёл: Славское, Переславское, Красное и, наконец, Косоулицы, которое и названо наилучшим. Но подобные сёла есть рядом с деревней Карчёва. Это Славково у Несвижа, Красное у Корелич и Косичи у Свитязи. Князь Роман Дмитриевич может быть легко ассоциирован с Новогрудским князем Романом Даниловичем. Литовский «Чимбаль-король», в свою очередь, с отцом Миндовга, князем Рингольдом. При этом хронология событий вполне удовлетворительно сходится. Не менее убедительно и сравнение расстояний похода «двух Ливиков» на Карчёва и на г. Карачев. В первом случае наиболее удалённая точка похода – д. Славково, отстоит от литовской территории на 150 км., город же Карачев удалён на 600 км. Учитывая тот факт, что племянники идут походом на Русь тайком от князя, который их направил в Ливонию, поход на Карачев становится совершенно невероятным, в то время как короткий поход к Несвижу вполне в пределах возможного.

Предлагаемая версия вполне удовлетворительно объясняет странности и других былин, связанных с Ильёй. Так, например, полученное Ильёй приглашение от Калин-царя, перейти на службу к нему объяснить татарской версией не представляется возможным. Невозможно представить участие наёмных русских воинов в сокрушении Руси татарами. Однако если предположить, что Калин-царь это Миндовг, уже захвативший Чёрную Русь, всё становится на свои места. Родное село Ильи уже в руках Миндовга, и земляки Ильи служат в литовской армии, поэтому переход Ильи к ним выглядит вполне естественным. Миндовг рвётся в Киев через стратегическую переправу Калинковичи, «калинов мост», потому он и Калин-царь.

Столь же убедительно выглядит версия и в приложении к былине «Илья и Идолище». Трудно найти объяснение для приложения слова «Идолище» к кочевнику-татарину. Зато оно вполне оправдано в приложении к литовцу, оставшемуся язычником и после крещения Руси. Крещение сопровождалось насилием и религиозными спорами с взаимными обвинениями в «бесовстве». Отсюда и ругательный термин в адрес чужака, отсюда и надругательство над церквями со стороны язычника «Идолища».

В былине о битве Ильи с сыном Сокольниковым говорится, что Илья прижил сына в далёком краю у камня «Латыря». Выросший сын едет захватить Киев и церкви сжечь. Станный поступок сына, русского человека, легко объясняется тем, что вырос он в Чёрной Руси, захваченной язычником Миндовгом. Ему чуждо христианство и Киевская Русь.

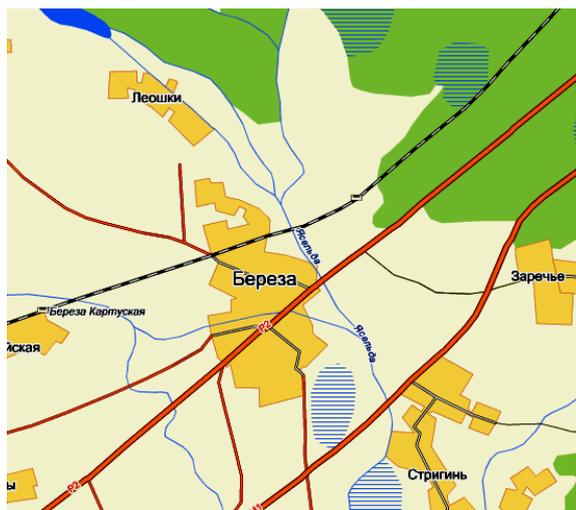
Возле деревни Карчево действительно находится необычайно большой камень, ныне именуемый «Филаретов». Камень находится в лесу со стороны деревни Литаровщина. В названии деревни отчётливо прослеживается происхождение от слова «Латырь».

Таким образом, предлагаемая версия находится в гармонии, как с историей, так и с географией и топонимикой. Только в этой версии путь Ильи не вызывает никаких вопросов с точки зрения его обоснованности и рациональности. При этом он убедительно и естественно объясняет все упоминаемые препятствия и ориентиры.

Наконец ни в одной из других версий не содержится внятного ответа, почему в лесной стране в былинах особо выделена некая кривая берёза, почему в христианской стране особо выделяют неведомый придорожный крест и что за «калиновый» мостик так истово охраняют богатыри. Ответы на эти вопросы звучат крайне расплывчато, и только данная версия даёт им чёткую и абсолютно естественную трактовку.

Особо следует отметить вариант былины о защите Ильёй Китеж-града. Расположение мифического города исключает какое-то реалистичное объяснение подобного маршрута, и этот вариант былины объясняют созвучием Китежа с Себежем. Однако нельзя не отметить ещё и созвучие их обоих с мифическим Свитязь-градом, являющимся полным двойником града-Китежа. При этом Свитязь-град находится рядом с тем же «Новгородом черниговым» и вполне мог быть версией, или продолжением былины. В этом случае получает внятное объяснение и происхождение легенды о граде-Китеже, и источник для написания полностью аналогичной легенды Мицкевичем о граде-Свитязе. Только в версии Мицкевича уже не литовцы нападают на исконно русский Новогрудок и Свитязь, а русский царь на литовскую вотчину.

В связи с потерей Чёрной Руси и последующим падением Киева под ударами нового противника – татар, была утрачена память о реальных названиях, как населённых пунктов, так и Кобрынских лесов, и рассказчики ассоциировали их с известными им объектами. Также в значительной мере была утрачена память о прежних сражениях с Литвой, и эти события в былинах

и мифологии стали связываться с татарами. Так, в одном из вариантов былины об Илье и Сокольнике даже сын Ильи, намеревающийся сжечь Киев, именуется татарин, что абсолютно нереально.

Данная версия позволяет взглянуть на историю Киевской Руси под другим углом, и потенциально содержит в себе ответы на многие ещё вопросы.

Рис.1. Леванидов крест у Берёзы «поклопай».

[1] Филин Н.В. Об историческом прототипе Ильи Муромца [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://histline.narod.ru/> – Дата доступа 31.08.2010.

[2] Веселовский А.Н. Южнорусские былины. СПб., 1881, с.61-64.

[3] Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности 3 т. М., 1924, с. 86-90.

[4] Былины в записях и пересказах XVII-XVIII вв. М.-Л., 1960. с.79.

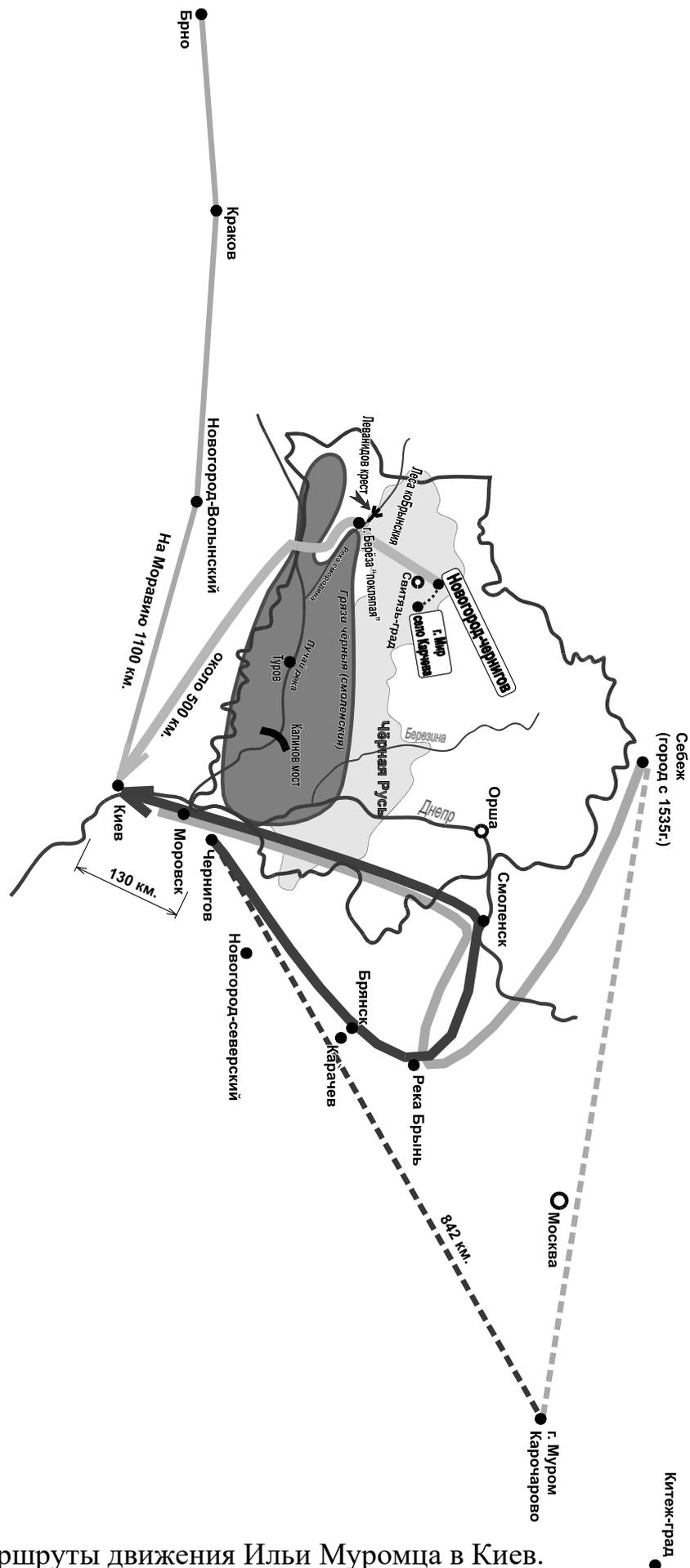

Рис.2. Маршруты движения Ильи Муромца в Киев.